

Эйке Шнайдер

ЧИСТИЛЬЩИК

Москва
Издательство АСТ

Раньше Эрик думал: лучше быть мертвым героем, чем живым мерзавцем. Вот только герой из него получился так себе. А умирать оказалось ужасно обидно. Принесла же нелегкая этих чистильщиков!

А ведь так здорово начинался день. Яркий весенний день, когда солнце припекало настолько, что через четверть часа прогулки Эрик засунул шапку и перчатки за пояс. Они с Марой бродили по ярмарке: слушали уличных певцов, хохотали над представлением в кукольном балагане, даром что большую часть шуток при профессорах лучше не повторять. Смотрели, как мужики пытаются влезть по намазанному жиром столбу за подарками. Те выглядели щедрыми — для простонародья, конечно. Живой петух, цветастый платок, новая куртка.

Один дотянулся было до петуха, но птица, захлопав крыльями, тюкнула мужика клювом по темечку. Не удержавшись на столбе, тот стремительно заскользил вниз. Толпа ахнула. Эрик успел плетением сгустить воздух у самой земли, так что мужик упал точно в ступень, не убившись.

ЭЙКЕ ШНАЙДЕР

— Смотри-ка, петуха так и не выпустил, — сказала Мара. — Здорово ты успел.

Эрик довольно улыбнулся. Наверняка в толпе были и другие школяры, но не у каждого бы вышло так быстро сообразить и так четко сплести.

Мара развернулась к нему и улыбнулась в ответ.

— У тебя веснушки. — Она коснулась его переносицы. — Солнышко поцеловало.

Эрик перехватил ее руку, поднес к губам. Веснушки и веснушки, эка невидаль, каждый год вылезают, хоть и не рыжий, а русый.

— Лучше ты меня поцелуй. Солнышко обойдется.

Она рассмеялась, потянулась на цыпочках. Эрик обхватил ее за талию, прижимая крепче. Оторваться от ее губ получилось не сразу.

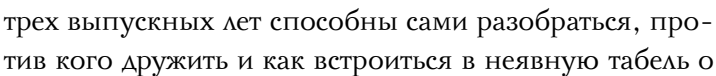
— Мне нравится, — сказала наконец Мара. — И ты мне тоже очень нравишься.

Она взъерошила ему волосы. Эрик мотнул головой, откидывая с глаз непослушные пряди. Осенью кто-то подмешал ему в порошок мыльного корня смесь, воспламеняющуюся от воды. Ожоги тогда залечили быстро и чисто: наставник был мастером исцеляющих плетений. Не осталось даже намека на шрамы, но пришлось остричься почти наголо. За зиму пооброс, конечно, но в зеркало лишний раз смотреть не хотелось: велика радость. Словно простолудин после тифа.

Впрочем, зачем парню в зеркало заглядывать? Бриться разве что. И то пока не каждый день приходилось.

Тот случай был одним из немногих, когда вмешались преподаватели. Обычно считалось, что школяры

ЧИСТИЛЬЩИК

трех выпускных лет способны сами разобраться, против кого дружить и как встроиться в неясную табель о рангах, поэтому взрослые контролировали лишь малышей. Но не тогда, когда шуточки напрямую угрожали жизни. Зачинщик исчез. Его подпевале, который сам в той проделке не участвовал, Эрик подсыпал в постель порошок, вызывающий чесотку, и на этом счел историю законченной.

Он снова потрянул головой, ругнулся. Чмокнул Мару в нос. Холодный.

– Замерзла? Пойдем погреемся. Пирогов хочешь?

После яркого весеннего солнца таверна казалась полутемной. Эрик, пропустив Мару вперед, замешкался в дверях, давая привыкнуть взгляду. Кто-то толкнул его в спину и ругнулся. Эрик обернулся:

– Мешаю, добрый человек?

Он демонстративно поправил рукав, по-прежнему стоя в дверном проходе. Солнце блеснуло на серебряном браслете школяра. Толкнувший сглотнул:

– Нет-нет, господин. Прошу прощения.

Эрик кивнул, злорадно позволил себе помедлить еще несколько мгновений, чтобы этот тип в следующий раз думал, на кого рот разевает. Формально у одаренных – даже полноправных магистров, не то что школяров – не было ни власти, ни права владеть землей и людьми, ни возможности наследовать. Но у них был Дар. Солнечный и все земли вокруг принадлежали университету, имя и титул прежнего владельца за-

ЭЙКЕ ШНАЙДЕР

были давным-давно. А в столице сам король, говорят, прислушивался к советам тех одаренных, что оказались при дворе.

Эрик за руку подвел Мару к столу. Подальше от входа, чтобы не мешал сквозняк. Огляделся: народа полно, служанки мельтешат туда-сюда. Хозяин, предвидя наплыв гостей во время ярмарки, нанял новых. Хлопотливых, но бестолковых.

— Сам схожу, ждать неохота.

Пахло в трактире так, что живот подвело, хоть Эрик давно успел забыть, что такое настоящий голод. Он подошел к стойке — народ торопливо подался в стороны. Заказал две кружки пива и пирог с осетриной: после долгой прогулки хотелось есть. Служаночка, проходя мимо, задела крутым бедром, пискнула, захлопав ресницами: мол, прошу прощения, господин. Он улыбнулся, оглядев ее с головы до ног — девчонка и правда хорошенькая, чего бы не посмотреть, — и снова отвернулся к хозяину. Если кидаться на всех хорошеньких девчонок, что улыбаются одаренному, ни на что другое времени не останется. Трактирщик долго ждать себя не заставил: собрал небрежно брошенные монеты, взамен выставив тарелку с пирогами и кружки с пивом. Эрик едва заметно кивнул служанке, та подхватила еду, понесла следом.

Около Мары уже крутился какой-то хлыщ в ярком плаще: кто-то из благородных, заглянувших на ярмарку. Эрик едва заметно приподнял бровь — красавчик тут же исчез. Мара рассмеялась. Эрик бросил служанке медяк, сел. Зажег свечлячок, чтобы не сидеть в полутьме.

ЧИСТИЛЬЩИК

Пироги тут всегда были отличные, даром что рыба — еда для простонародья. Ничего, и благородные не брезговали. И...

— Чистильщики, — негромко сказала Мара.

Эрик отставил кружку. Глаза бы на них не глядели.

В дверь зашел мужчина лет тридцати, высокий, темноволосый и сероглазый, с узким породистым лицом, хоть и подпорченным загаром. Перстня магистра он не носил. Зато на зеленом плаще переливалась разноцветными бликами застежка в виде четырех языков пламени. Говорили, что такой сплав можно получить лишь плетением, секрет которого известен только чистильщикам. По таким застежкам их и узнавали.

Новоприбывший, повертев головой, пристально уставился на компанию, сидевшую за столом у двери, поближе к свету и свежему воздуху. Бормоча извинения, мужики подхватили еду и кружки и исчезли, будто ветром сдуло.

Следом за первым в дверь шагнула девушка, на вид чуть постарше Эрика. Рыжие кудри засветились на солнце золотым ореолом и погасли в полумраке трактира. Девушка устроилась на лавке с ногами, прислонилась к стене, закрыв глаза, и, казалось, потеряла интерес ко всему вокруг. На ее пальцах тоже не было перстня. Третьим оказался смуглый мужчина лет тридцати пяти — Эрик подумал, что все виденные им чистильщики были намного моложе. Потом накинул еще лет пять, разглядев серебряные пряди во вьющихся мелким бесом волосах и бороде. Одаренные не носили бороды, оставляя растительность на лице уделом пустых, но многие чистильщики словно демонстративно пренебрегали приличиями. Вот как этот, например.

ЭЙКЕ ШНАЙДЕР

Чистильщик оглядел трактир, прежде чем сесть. Глаза у него были черные, жуткие, так что невольно вспоминались деревенские байки про дурной взгляд. И этот тоже был без перстня. Они словно специально показывали, что принадлежность к одаренным им не важна. Вот знак ордена — другое дело.

Эрик снова посмотрел на дверь, ожидая четвертого, но больше никто не появился. Странно.

— Давно их не было, — негромко произнесла Мара.

Эрик мысленно поморщился, проследив ее взгляд. Впрочем, будь на их месте кто другой, он не обратил бы внимания: смотреть — не трогать. Но пялиться на чистильщиков... Когда-то такой же отряд проходил через его родную деревню. Отец припоминал это матери все те годы, что Эрик жил в его доме. А самому ему не говорил об этом только ленивый — кличку Ублюдок он запомнил раньше, чем имя, а драться пришлось научиться едва ли не до того.

— Пойдем отсюда! — сказал он, парой глотков опустошая кружку.

В конце концов, дожевать пирог можно и на ходу. Тепло сегодня, впору и плащ скидывать. Погуляют чуть дальше, прежде чем снова садиться за учебники.

— Даи доесть.

Мара снова посмотрела на чистильщиков. Те о чем-то переговорили вполголоса. Тот, что казался постарше, перевел взгляд на одну из служанок — те уже вились вокруг аж втроем — и так же негромко начал что-то заказывать. Породистый уставился на Мару и широко улыбнулся.

Эрик напрягся было, но девушка быстро опустила глаза, уткнувшись в кружку. Чистильщик, едва заметно

ЧИСТИЛЬЩИК

пожав плечами, что-то сказал служанке. Та захихикала. Мужчина обнял ее за талию, впился губами в губы, не торопясь отпустить. Девчонка, впрочем, недовольства не выказала. Оторвавшись наконец, чистильщик хлопнул ее по заднице: беги, мол, работай. Она захихикала снова и захлопала ресницами, но мужчина со скучающим лицом отвернулся к спутнику. Служанка упорхнула. Чистильщики снова перебросились парой слов.

— Интересно, просто мимо проходили или кого-нибудь заберут? — продолжила Мара.

Эрик пожал плечами: его это едва ли коснется. Если чистильщики будут выбирать, то наверняка, как и в прошлом году, среди тех, кто взял боевой курс. Тех, кто намеревался, получив кольцо магистра, сопровождать купцов: отправляясь в чужие земли, они не скупались на оплату охране, но все равно спали с ножом у изголовья. Или вступить в армию, отправиться в приграничье, чтобы через несколько лет, если удастся сделать себе имя, попробовать попасть в королевскую гвардию. Его самого не интересовало ни то ни другое: велика радость всю жизнь выполнять чужую волю! Наставник обещал ему место на кафедре: один из старых профессоров собирался на покой. Впрочем, Эрик еще не решил, соглашаться ли. Хотелось поездить, посмотреть мир. В конце концов, он десять лет не видел ничего, кроме университетских стен. А до того была деревня, о которой не хотелось даже вспоминать. Он и не вспомнил бы, если бы не чистильщики.

— Пойдем отсюда, — повторил он.

Кусок в горло не лез, и запить было больше нечем. Мара кивнула, отставляя кружку.

ЭЙКЕ ШНАЙДЕР

Но стоило сделать несколько шагов к двери, как тот, что тискал служанку, окликнул:

– Эй, ты!

Эрик не сразу понял, что это относится к ним. Точнее...

– Ты, одаренная!

Мара изумленно оглянулась. Эрик подхватил ее под руку, повлек прочь. Вот же, погуляли!..

– Брось сопляка и иди сюда, говорю!

Эрик застыл. Сопляк, значит. Но рта раскрыть не успел – Мара круто развернулась, выдернув локоть у него из руки:

– Трактирным девкам эйкай! А я – не служанка и пойду с кем хочу. И этот кто-то – явно не ты.

Чистильщик усмехнулся:

– Да, не служанка. У тебя лицо не тронута солнцем, а руки – тяжелой работой. Еще ты наверняка умеешь не только задирать юбку, но и поддерживать умную беседу, а мне скучно. Что до желанья – можно ведь сделать и так...

В воздухе мелькнули нити плетения – мелькнули и растаяли. Эрик мысленно охнул, узнав узор, что способен на время превратить более слабого духом в послушную марионетку. Запрещенное плетение, о котором знали все и которое всю использовали, несмотря на запрет.

Успел бы он оборвать нити, если бы чистильщик взялся за дело всерьез, а не показал, что будет, если?..

Мара попятилась, мотая головой. Чистильщик продолжал улыбаться:

– Поверь, со мной интересней, чем с этим мальчишкой. И в постели, и вне ее.

ЧИСТИЛЬЩИК

Эрик вспыхнул и задвинул Мару за спину:

— Она не хочет с тобой идти. Оставь. Я только что видел других, кто побежит с радостью.

Чистильщик поднялся из-за стола, шагнул к ним.

— А я не хочу другую. Вот же незадача.

— Альмод, хватит! — Тот, что постарше, придержал его за локоть. — Служанок полно. Оставь детей в покое. Они одаренные, в конце концов.

— Одаренные... — процедил тот почти по слогам. Высвободил руку. — Вижу. И мне плевать. — Он сделал еще шаг, пристально глядя в лицо Эрику. — Отойди и не мешай. Ничего ей не сделается. Да и от тебя не убьют.

Эрик не отвел взгляда — казалось, весь мир сузился до этих темно-серых презрительно прищуренных глаз.

— Тебе ведь не нужна именно она, — сказал он, внезапно поняв. — Ты просто не потерпишь отказа.

— Да, — снова усмехнулся тот. — И что? Что ты с этим сделаешь, одаренный мальчик?

— Эрик, не надо... — прошептала Мара ему в ухо. Руки, обхватившие его за пояс, дрогнули. — Я...

— Нет. Мы уходим. И для этого нам не нужно ничего дозволения.

— А вот тут ты ошибаешься.

В следующий миг Эрик понял, что не сможет сделать и шага, словно ступни увязли в досках пола. Впрочем, почему «словно»? Он отчетливо видел, как сплелись нити, превращая воздух вокруг его ног в густой, почти каменный. Вот, значит, как...

Вокруг завизжали, бросились по углам, боясь приблизиться к двери.

ЭЙКЕ ШНАЙДЕР

— Альмод, прекрати! — крикнула уже девушка. Схватила за плечи, оттаскивая назад. — Оставь их!

Тот коротко, без замаха двинул локтем:

— Не лезь!

Чистильщица сложилась, задыхаясь. Эрик, воспользовавшись моментом, толкнул в бок Мару:

— Беги!

Она успела сделать два шага — завязла в густом воздухе, будто муха в киселе. Эрик высвободил ее, рванул нити, спеленавшие самого.

— Беги, говорю!

Вырваться он успел, сделать что-нибудь еще — нет. Легкие внезапно наполнились водой, и он рухнул на четвереньки, отчаянно кашляя. В голове мутилось — то ли от недостатка воздуха, то ли от страха. Захлебываясь, выкашливая и выблевывая воду, он все же сумел зацепить контрольную нить. Вдох. Отчаянный, глубокий, настоящий вдох.

Перед глазами замаячили сапоги, и он швырнул в них сгусток пламени — примитивная чистая энергия Дара, годится лишь для ученика-первогодка, никак не для того, кто через три дня будет защищать магистерскую диссертацию. Но можно ли здраво мыслить, когда сердце колотится как ненормальное, вспотевшие ладони липнут к полу, а желудок подкатывает к горлу от страха?

Он никогда не сражался всерьез — занятия и стычки в коридорах университета с такими же школярами не в счет. Он никогда не сражался с тем, кто убивает тусовочных тварей и чья жизнь зависит именно от умения плести нити мира в полную силу.

ЧИСТИЛЬЩИК

Сапоги шагнули в сторону — кажется, даже неторопливо. Пламя пронеслось мимо, рассыпалось безвредными искрами. Перед лицом промелькнула рука, стянула ворот, вздернула на ноги.

— Оно того стоило? — поинтересовался чистильщик.

Закричала Мара, бросилась — глупо повиснув на плече чистильщика, словно разом забыла все плетения. Тот даже не глянул в ее сторону, пальцем не пошевелил — а девушку отнесло, швырнуло на пол.

— Так стоило оно того, чтобы умирать?

«Нет!» — кричало что-то внутри. Что угодно, только не...

— Да! — выплюнул Эрик.

Потянулся к Дару последним отчаянным усилием, но чистильщик оборвал нити еще до того, как те успели сплестись. Потом невидимая рука сжала сердце, оно затрепыхалось пойманной птицей, Эрик захрипел, задыхаясь, и мир исчез.

Он открыл глаза, медленно сел. Темнота перед глазами постепенно рассеивалась, сердце вело себя прилично, и можно было дышать, только трясло от запоздалого страха. Мара, рыдая, обняла, уткнулась в плечо. Трактир опустел, хотя на улице вокруг гудел народ, деловито куда-то спешил, старательно не обращающая на них внимания. Одаренные сцепились, бывает, редко, но бывает. И как бы вот эти, что едва живы остались, сейчас не решили зло сорвать на тех, кто не вовремя оказался рядом и видел...

ЭЙКЕ ШНАЙДЕР

– Чем-то помочь, господин?

Лицо трактирщика отчетливо отливало зеленью, но не сбежал, надо же.

– Где... – просипел Эрик.

– Ушли... – всхлипнула Мара. – Бросили хозяину золотой, развернулись и ушли.

Эрик погладил ее по волосам, все еще не понимая, на каком он свете.

– Погуляли, значит...

– Прости! – снова всхлипнула она.

Он покачал головой:

– Ты тут ни при чем. Ему нужен был повод.

Эрик вздохнул, поежился от пробежавшего по хребту холода. Вот, значит, как это бывает, когда смерть проходит в полушаге.

Мара продолжала рыдать, вцепившись в него:

– Он остановил сердце. Я думала...

– Запустила ведь?

Она закивала, все еще прижимаясь к нему лицом.

– Тебя не тронули?

– Нет. – Мара наконец оторвалась от него, заглянула в глаза. – Но я так испугалась...

– Я тоже, – хмыкнул он.

Медленно поднялся, оглядываясь. Просто ушли, значит... Снова затрясло – теперь уже не от страха, а от пережитого унижения. Спалить бы этот трактир к тусветным тварям, чтобы не напоминал. Эрик поднял ладонь, на которой заплясал огонек. Стряхнуть, точно воду с только что мытых рук, и полыхнет так, что ничем не потушишь.

– Господин... – просипел трактирщик.

ЧИСТИЛЬЩИК

Эрик оглядел съежившуюся фигуру, перекошенное от страха лицо:

— В доме есть кто-нибудь, кроме тебя? Семья, дети?

Трактирщик мотнул головой:

— На улице бегают. Не губи...

— Уходи. Если не хочешь сгореть вместе с...

Тот заскулил, обхватив руками колени одаренного и что-то бессвязно лепеча. Что-то про семью, которая по миру пойдет. Врет. За золотой, который ему сегодня бросили чистильщики, мастер-каменщик будет полгода работать от рассвета до заката. Да наверняка и еще успел в кубышке припрятать. Не сдохнут.

Впрочем, какое ему, Эрику, до этого дело? Пнуть от души, чтобы отлетел, а потом сбросить с руки огонь, и пусть горит со своим добром, если хочет. Сам выбрал.

— Уйди, — повторил он. — Эти стены не дороже жизни.

Трактирщик отчаянно замотал головой, так и не разжимая рук. Всклипнул. По лицу покатались слезы. Эрик долго смотрел на него сверху вниз. Ему ни разу еще не приходилось убивать.

— Поди прочь. — Он сжал кулак, гася огонь.

Тот отполз на коленях, сбивчиво благодаря. Эрика снова передернуло. Он порылся в кошеле: золотых не водилось, и нескоро еще заведутся, но серебряк найдется.

— За беспокойство. — Он бросил монету трактирщику. Обернулся к Маре, мотнул головой. — Поидем домой.

Нагулялись.